

МИФ ОБ ИЕЗУИТАХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА

© Е.В.Никольский

В статье рассматриваются истоки и сущность представления об иезуитском ордене в русском историческом романе (на примере творчества Вс.Соловьева). На основании как католических, так и православных материалов выявлены истоки сугубо негативной характеристики иезуитов; проанализировано восприятие иезуитов в романистике Всеволода Соловьева в контексте идеологии российской империи; раскрыты сознательные (нарочито мифологизированные) аспекты фальсификации писателем исторических материалов в угоду идеологическим установкам.

Ключевые слова: исторический роман, литература и идеология, католичество, антизападничество, иезуиты, славянофильство, Волынь, Россия, Польша.

Иезуитский орден (или общество Иисусово) – яркое явление европейской духовной и социальной культуры. В разное время описанию типажей иезуитских монахов и священников и их деятельности посвятили свои произведения такие писатели, как Беранже ("Святые отцы"), Бласко Ибаньес ("Отцы иезуиты"), Стендаль (в романе "Красное и черное" изображена иезуитская школа), Томас Манн (в "Волшебной горе" иезуитский священник выступает в роли наставника юноши, взыскующего истину), Джеймс Джойс (главный герой его романа "Портрет художника в юности", Стивен Дедал, обучается в иезуитской школе), Ромен Гари (в романе "Корни неба" иезуит расследует дело Мореля).

В западноевропейской беллетристике и массовой литературе также частотны образы представителей иезуитского ордена и их учеников. Таковы романы Дюма-отца ("Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя"), Анн и Серж Голон ("Анжелика"), Эжен Сю ("Агасфер"); в много-томном авантюрном произведении Жюльетты Бенцони "Марианна" крестный отец главной героини – генерал ордена иезуитов, а в повести Уильяма Питера Блэтти "Изгоняющий дьявола" (другое название "Экзорцист") выведены священники-представители общества Иисусова отцы Каррас и Ланкастер Меррин.

В представленных произведениях иезуиты – преимущественно положительные герои, или, во всяком случае, их образы не несут ярко выраженной отрицательной характеристики. Иная ситуация сложилась с восприятием ордена иезуитов в российском культурном пространстве. В этой связи интересно отметить, что обычно в словарях русского языка слову "иезуит" дается такое объяснение: "1. Член так называемого "Общества Иисуса", одной из самых реакционных воинствующих организаций католической

церкви; 2. Хитрый, двуличный, коварный человек" [1]. Нас интересует второе определение данного слова. "Как бы то ни было, даже если эволюция термина "*иезуит*" и не была запрограммирована, ее действительно поощряли и "задействовали" чрезвычайно успешно. Ее выпестовали прежде всего: протестантская Германия, галликанская Франция, янсенисты и иллюминаты и отчасти Англия. Порожденный всем этим антииезуитизм распространился по всей Европе и привел к упразднению Общества Иисуса. После исчезновения иезуитов антииезуитизм успокоился, но сразу же воспрянул, как только Орден был восстановлен, и вызвал многочисленные иезуитофобские манифестации во Франции, Испании и Германии" [2: 207-208].

Первым же русским специальным церковно-историческим сочинением об иезуитах в России стало исследование выпускника Казанской духовной академии А.И.Лилова "О зловердных действиях иезуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века", увидевшее свет в Казани в 1856 году. В те же годы представитель славянофильства Ю.Ф.Самарин крайне отрицательно характеризовал католическую веру в целом и иезуитский орден в частности. По его мнению, "с первой минуты своего появления на свет иезуитство воплотило в себе всю сущность, весь смысл латинства" [3: 228]. Интересовал Ю.Ф.Самарина "не столько иезуитский орден, в смысле исторического учреждения, сколько *иезуитство* в смысле психического явления или нравственной заразы, коренящейся в самой душе человеческой и потому способной развиться повсеместно и отравить всякую общественную среду" [3: 230].

Данное представление, возможно, было вызвано тем, что успехи Общества Иисусова на протяжении первого века его существования

возбуждают против иезуитов соперничество, зависть и интриги. Во многих случаях борьба была столь ожесточенной, что орден едва не прекратил свое существование в эпоху, обуреваемую движением самых противоречивых идей, таких как янсенизм, квиетизм. "Среди причин гонений на орден выделяют активную защиту "со стороны иезуитов универсальной юрисдикции Папы Римского, критическое отношение иезуитов к галликанству, разоблачение ими антихристианской направленности философии эпохи просвещения и деятельности масонов, а также огромное общественное влияние иезуитов, вызывавших тревогу в аристократических кругах европейских стран, сочетавшуюся с корыстными интересами влиятельных особ в отношении значительных земельных и других владений" [4: 57].

Негативное отношение к иезуитам, по наблюдению авторов Православной энциклопедии, издаваемой Московским Патриархатом, носит характер многовекового мифа. "Идейные противники Иезуитов ... сформулировали ставшую популярной в обществе "теорию мирового заговора", обвинив иезуитов в стремлении обеспечить себе власть над миром" [5: 221], с этой целью представители общества Иисусова обвинялись в подкупах, шантажах, интригах и запредельных жестокостях. Показательно, что тезис – цель оправдывает средства – специально иезуитскими теоретиками "никогда не формировался" [5: 221].

Отрицательное представление об иезуитах окончательно закрепилось в эпоху Просвещения, благодаря "деятельности французских энциклопедистов" [5: 221], а потом распространилось по некатолическим странам Европы, в том числе и в России, где данные антииезуитские и антикатолические доктрины органично вошли в состав славянофильской идеологии и обывательской мифологии.

Такие представления об иезуитах получили распространение и в русской исторической прозе XIX столетия. Ярким примером становятся исторические романы Фаддея Булгарина "Дмитрий Самозванец" (1830) и "Мазепа" (1834). В обоих произведениях коварные иезуиты плетут интриги против русского государства, но их хитрости завершаются крахом.

В романе Всеволода Соловьева (1849-1903) "Княжна Острожская" (1876) писатель рассмотрел с ультра патриотических, славянофильских позиций влияние польской культуры и католичества на украинское население Волыни в XVI столетии. Изображение противоречий национально-конфессионального характера в данном романе сопряжено с ярким, запоминающимся

сюжетом и мастерски созданной авантюрной интригой¹. "Княжна Острожская" принесла Вс.Соловьеву несомненный успех. После ее публикации тираж "Нивы" и число подписчиков журнала значительно возросли. Косвенно о популярности этого произведения свидетельствует тот факт, что в 1884 году малоизвестный автор К. Воронецкий выпустил свое произведение на сюжет этого романа под названием "Из-под венца да в монастырь (повесть времен иезуитов)"².

Отчасти большую популярность соловьевского произведения можно объяснить тем, что писателю удалось создать напряженный и динамичный сюжет, полный неожиданных поворотов. Специально отметим, что последняя сцена романа "Княжна Острожская" происходит в Вильно в иезуитском монастыре, описание которого носит явно готический характер. Согласно

¹ Во время празднества по случаю дня ангела Константина Острожского (т.е. литургической памяти святого равноапостольного императора Константина и его матери, царицы Елены) летом 1553 года молодой князь Дмитрий Сангушко впервые встретил и сразу же полюбил племянницу владельца замка, княжну Гелену (Гальшку) Острожскую, которая ответила ему взаимным чувством. Хотя князь Константин и намерен выдать Гальшку за Сангушко, мать невесты резко была настроена против этого брака. По совету своего духовника-иезуита Антонио, тайно влюбленного в ее дочь, она обратилась за помощью к королю Речи Посполитой. Влюбленные тайно покидают замок и венчаются. (Писатель не датировал в романе это событие; по данным исторических источников, оно произошло в 1553 году). Тем временем княгиня Беата добилась от своего сводного брата-короля специального декрета, по которому ее будущий зять был объявлен вне закона. Через несколько дней их настигают преследователи. Княгиню Гальшку насильно водворяют в дом ее матери, которая упорно добивается от нее перехода в католичество. В это время князь Дмитрий, потеряв память, живет из милости в доме зажиточного полесского крестьянина. И лишь через два года Сангушко возвращается в замок Константина Острожского, который добивается от своего безвольного монарха отмены декрета и выдачи своей племянницы ее законному супругу. Княгиня Беата, не добившись от дочери добровольного согласия на смену конфессиональной принадлежности, с помощью своего духовника готовит насильственный постриг дочери в иезуитском монастыре. Имея с собой королевскую грамоту, князь Константин освобождает княжну Гальшку, которая с радостью встречается с "воскресшим" супругом. На этом событии заканчивается изложение истории. После финальной сцены следует послесловие, в котором писатель кратко повествует о судьбе православной церкви на Украине.

² Библиографическое описание этой книги в каталоге РГБ содержит примечание "переделка повести Всеволода Соловьева "Княжна Острожская".

роману в той обители: "Подземелье имело вид узкого коридора, выложенного камнем, и заключало в себе множество разветвлений. Следы его еще недавно находили в Вильне. Здесь висели тяжелые цепи, большая часть которых в то время еще только ожидала несчастных жертв иезуитской таинственной инквизиции. Но все же некоторые из этих страшных подземных темниц уже были оглашены человеческими стонами" [6: 198].

Это описание сразу приобретает мрачные черты, оно близко к характеристикам тех зловещих замков и аббатств, которыми изобиловали готические повести и романы. Вполне закономерно, что при развитии темы появляются мотивы страданий, мук, смерти, стираются границы между земным и трансцендентальным бытием человека. Несколькими абзацами ниже прозаик отмечал, что "... иезуиты, всегда любившие разные эффекты, постарались сделать из своего судилища какое-то подобие мрачной могилы. Оно помещалось под землей. Сводчатые стены и пол – все было черное. За черным столом сидели судьи, как страшные приведения, скрывая свои лица под масками. Украшение склепа составляли только человеческие черепа да кости. На столе лежали цепи и орудия пытки. И все это озарялось тусклым светом черных восковых свечей, вставленных в железные канделябры" [6: 199].

Атмосфера скорби и страха постепенно сгущается в романе. По авторскому повествованию: "...Отчаянный вопль и стоны жертв мрачной тюрьмы гулко оглашали низкий свод и замирали в мертвом подземелье... Проходили долгие, адские часы, и никто к нему не являлся, не приносил ему питья и пищи. Проходили еще часы, и к его душевным мукам, к его ужасу начинали примешиваться страдания голода и жажды... Тщетно кричал он и звал к себе на помощь – никто не мог услышать его, никто не мог явиться на его зов, потому что голодная смерть была единогласно присуждена ему на судилище отцов-иезуитов..." [6: 199].

В этом описании романист всецело следует распространенному среди массового читателя мифу об иезуитах, а само изображение подземных пыточных камер, с одной стороны, было им сфальсифицировано³, а с другой – является в романе сознательно вставленным анахронизмом. Ведь по "внутренней" хронологии произведения

события, согласно соловьевскому описанию имевшие место в виленском монастыре, следует отнести к 1555-1557 годам⁴. Сопоставление произведения и исторических фактов показывает нам, что все обстоятельства, связанные с возможностью пострига Елены Острожской и ее пребывания в этой обители, являются домыслом прозаика (и своего рода анахронизмом).

В начале второй части романа Вс.Соловьев писал, что "Город Вильно процветал и богател с каждым годом. Мирные жители ниоткуда не ждали себе напасти. Только однажды, именно осенью 1569 года, они были встревожены слухом о том, что в город должны въехать отцы-иезуиты, о которых составилось в народе самое ужасное представление. Этот слух быстро подтвердился. Действительно, епископ виленский, Валериан Проташкевич-Сушковский, просил прислать ему надежных помощников в деле распространения и утверждения шатающегося католицизма. Иезуиты, уже давно наметившие Вильну, поспешили откликнуться на этот зов" [6: 107-108].

Эти факты документальны и подтверждаются иными источниками. В 1569 (через 12-15 лет, после описанных Вс.Соловьевым событий) иезуиты "...появились в Литве по приглашению виленского епископа Валериана Протасевича" [9: 94], и в следующем году по приказу короля Сигизмунда 11 Августа они "основали свой первый коллегиум, который просуществовал до 1773" [10: 71], когда деятельность их ордена была временно приостановлена. Коллегиум располагался при монастыре св.Иоанна, где и проживали отцы-иезуиты.

По описанию Вс.Соловьева, это был целый комплекс зданий с кельями для монахов и учащихся, огромным собором, учебными классами, внутренними каплицами и мрачным подземельем с разветвленной системой секретных ходов и выходов. Вполне понятно, что на сооружение такого архитектурного ансамбля потребовался (в условиях XVI века) значительный период времени.

Брак исторической княжны Гальшки Острожской состоялся в 1553 году во времена царствования последнего короля ягеллонской династии Сигизмунда XI Августа, управлявшего Речью Посполитой с 1548 по 1572 год. Виленские же события, связанные со строительством монастыря св. Иоанна, приписаны Вс.Соловьевым к эпохе этого монарха, в то время как они произошли в период междоцарствия и при власти зятя Сигизмунда, короля Стефана Батория (1576-

³ Первая часть романа, в которой изображена деятельность князя Константина Острожского и описан его родовой замок имеет строгую документальную основу, объем и задачи данной статьи не позволят нам подробно раскрыть этот аспект (См. об этом подробнее: [7; 8]).

⁴ Так как венчание княжны Гальшки Острожской и князя Дмитрия Сангушко произошло (по документальным данным) в 1553 году.

1586). Следовательно, неточность прозаика возрастает еще на целое десятилетие. По-видимому, при создании описания иезуитского монастыря романист пользовался более поздними источниками и искусственно перенес реальность 1570-1580-х годов в 1553-1557 годах.

Таким образом, при построении сюжета беллетрист искусственно соединил на едином временном отрезке (около 3-х лет) события как середины второй половины, так и конца XVI столетия.

Вторым аспектом, на который нам хотелось бы обратить внимание, является статус и возможность пострига Елены Острожской. Римско-католическая церковь в средние века, опираясь на античные кодексы законов, детально разработало свои юридические нормы (особенно это касалось клира – священников и монахов). По сложившей традиции, монахи-католики обычно принадлежат к какой-либо конкретии или ордену (и соответственно к его мужской или женской ветви), причем переход из ордена в орден был затруднен. В этой связи примечательно, что иезуиты в отличие от иных монашеских объединений (бенедиктинов, францисканцев, доминиканцев, салезианцев и т.д.) с момента своего основания и по сей день не имели и не имеют женской конгрегации.

Кроме того, над княжной Еленой, официально не принявшей католичество, не мог быть совершен обряд пострижения. Наконец, она как племянница короля и представительница магнатской фамилии вряд ли могла быть насильно подвергнута церковному посвящению; тем более что сам монарх не был в нем заинтересован. Вс.Соловьев, создавая в романе эту сцену, скорее всего, руководствовался своей неприязнью к римскому католичеству, чем желанием достоверно воссоздать историческую эпоху. Привлечение же образов иезуитов (чье наименование в обыденной речи стало одиозным) в качестве ведущих отрицательных героев лишь способствовало усилению отрицательной характеристики всей западной церкви.

Продолжением такой тенденции является, на наш взгляд, описание жизненного пути отца Антонио Чеккино от пострига в Италии до самоубийства в тайном подземелье монастыря в Вильно. Как в духовном плане, так и в социальном иезуит представляет собою полный антипод княжне Гальшке. По сути, он вообще лишен какой-либо глубокой религиозности. Вся его деятельность предопределена не высокими мотивами, а тщеславием и желанием занять значимое место в мире сем. Вступление сеньора Чеккино в монашеское братство продиктовано не желанием

духовного роста и обретения мира и гармонии с Богом, а сугубо прагматическими целями. По замечанию автора: "Его самолюбие и честолюбие получили совершенно иное направление – ему хотелось удивить отцов-иезуитов подвигами своего смирения" [6: 41].

Согласно характеристике Вс.Соловьева, отец Антонио увидел, что школа умерщвления плоти и непрекословного послушания не только папе, но и воле ближайшего орденского начальства должна привести человека не к высшему служению Богу, а имела единственной целью сделать из иезуита сильное орудие для достижения совершенно земных целей. Обращение народов в латинство, "...полное владычество "общества Иисуса" над умами и материальными средствами ближних – вот в чем состояла программа, введенная Антонио генералом ордена"⁵ [6: 42]. Характеризуя духовную жизнь героя, как человека довольно неглупого и образованного, но привыкшего ни в чем себе не отказывать, писатель замечает, что эта школа сделала из него циничного и порочного человека, бесславного погибшего в подземелье виленского монастыря.

Восприятие Вс.Соловьевым иезуитов не изменилось и в его зрелом творчестве, когда им были написаны социально-психологические романы "Старый дом" (1883), "Изгнанник" (1884), посвященные истории дворянской семьи Горбатовых на протяжении XIX столетия. В них в нарочито мифологическом ключе (с крайне отрицательными характеристиками) выведен представитель польского народа, граф Казимир Щацкий. В этом образе собраны все мифы о поляках, бытовавшие среди русских обывателей в середине и конце XIX столетия. У героя типично польское имя, он ревностный католик, иезуит⁶ (хотя у этой монашеской, и по – преимуществу, священнической конгрегации, не было и нет мирянской ветви), к тому же он – тайный заговорщик, подготавливающий восстание 1831-1832 гг. Более того, по сюжету коварный лях соблазняет Екатерину Горбатову, которая тайно принимает като-

⁵ Здесь Вс.Соловьев следует широко распространенной мифологеме, озвученной авторами Православной энциклопедии.

⁶ В произведениях других русских исторических романистов второй половины XIX столетия, например, Е.П.Карновича ("Мальтийские рыцари в России"), князя М.Н.Волконского ("Мальтийская цепь" и "Слуга императора Павла") в качестве положительного героя выведен католический священник (выходец из Австрии), отец Габриель Груббер, но авторы специально умалчивают о том, что в годы его пребывания в России он был временным генералом ордена иезуитов, ведь в случае "обнародования" таких сведений позитивный образ этого героя разрушился бы.

личество и рождает незаконного ребенка. Большого количества обывательских мифологем об польском этносе, сконцентрированных в одном персонаже в русской классической литературе, пожалуй, трудно обнаружить.

В романах Вс.Соловьева иезуиты преимущественно связаны с польской культурой (отец Антонио Чекино – итальянец, но он совершает свои антиподвиги в Речи Посполитой), а в славянофильском дискурсе Польша репрезентировалась как исконный враг Святой Руси. Таким образом, восприятие писателем иезуитов значительно мифологизировано и предопределено его славянофильской ориентацией и пара-официальными идеологемами, что способствовало появлению в его прозе негативных образов представителей этого монашеского ордена.

*****

1. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка // URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9472> (дата обращения 12.05.2011).

2. *Фарузи Ф.* Иезуит: семантическая эволюция этого слова // Символ. – Париж, 1991. – Т.26. – №12. – С.207-211.
3. *Самарин Ю.Ф.* Соч.: в 12 т. – М., 1887. – Т.6. – 345 с.
4. Католическая энциклопедия. – М.: Изд-во Францисканцев, 2005. – Т.1. – 1820 с.
5. Православная энциклопедия. – М.: Православная энциклопедия, 2007. – Т.21. – 670 с.
6. *Соловьев Вс. С.* Княжна Острожская. – М.: Эксмо, 1994. – 260 с.
7. *Никольский Е.В.* Роман "Княжна Острожская" – первый опыт Всеволода Соловьева в области исторической прозы // Вест. Адыгейского гос. ун-та (Сер.: Филология и искусствоведение). – 2010. – №2. – С.42-49.
8. *Никольский Е.В.* Події польської історії в романі Всеволода Соловйова "Княжна Острожська" // Науковий Вісник Волинського Національного університету (Серія: Літературознавство). – Луцьк, 2010. – №3. – С.51-59.
9. *Зноско К.* Исторический очерк церковной унии. – Warszawa, 1933. – 195 с.
10. *Kolegium jezuitow w Wilnie // Rycerz Niepokokanej.* – Rzym-Warszawa, 1996. – Т.295. – №2. – С.70-72.

THE MYTH ABOUT JESUITS IN VSEVOLOD SOLOVEV'S HISTORICAL AND SOCIAL PSYCHOLOGICAL PROSE

E.W.Nikolsky

The author of the article considers the sources and essence of representation of the Jesuits order in Russian historical novel (on an example of works by Faddey Bulgarin and Vsevolod Solovyov). The sources of especially negative characteristic of Jesuits on the basis both Catholic and Orthodox materials are revealed. The author analyses the perception of Jesuits in Vsevolod Solovyov's novels in the context of ideology of the Russian Empire; the conscious (deliberately mythologized) aspects of falsification created by the writer to suit the ideological preferences are opened.

Key words: historical novel, literature and ideology, Catholicism, Jesuits, Volyn, Russia, Poland, Russian anti-European ideology.

*****

Никольский Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, докторант Института мировой литературы им.А.М.Горького.

E-mail: eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2011